Архиепископ Феофилакт (Лопатинский)

ЛОГИКА
(фрагменты курса лекций)

Контроверсия третья. О третьей операции человеческого разума.

В предисловии к "Логике" мы сказали, что существуют десять книг Аристотеля, посвященных третьей операции разума. Большую часть этих вопросов мы успели рассмотреть в "Диалектике", поэтому здесь мы остановимся только на четырех книгах аристотелевских "Аналитик", которые и прокомментируем в двух диспутах. А именно, речь пойдет о силлогизме вообще, о его модусах и фигурах, о доказательстве – основном виде силлогизма. Первый диспут будет посвящен составляющим частям (de partibus constitutivis) силлогизма, т.е. посылкам и заключению, второй – силе силлогизма, т.е. доказательству и связанному с ним научному знанию (scientia).

Диспут первый. **639** – Научный метод подразделяется на два вида – аналитический (resolutorius) и синтетический (compositivus). Аналитический, или разлагающий, метод состоит в том, что исследование движется от целого и, наконец, доходит до частей и первоначал целого. Синтетический, или собирательный, метод состоит в том, что в исследовании поначалу объясняются части целого, и уже затем подходят к объяснению целого. Можно принять объяснение Декарта, который говорит, что анализ показывает истинный путь методического, априорного нахождения вещи. Анализ преимущественно употребляется в метафизике, где не заботятся больше ни о чем, как о ясном восприятии первых (primae) понятий (notiones), абстрагируясь от чувственного (sensus) опыта. Синтез, с другой стороны, движется противоположным путем, исследуя апостериорное положение с помощью длинного ряда определений, постулатов, аксиом, теорем и проблем. Синтез большею частию употребляется в Диометрике (in Diometricis), где первые понятия согласуются с чувственным (usus seusuum) опытом. Аристотель в разработке подобных вопросов занимает первенствующее положение. Сначала он рассматривает силлогизм вообще как потенциальное целое, затем – силлогизм в частности. Мы, в свою очередь, последуем за Аристотелем, освежив в памяти сказанное в 3-м диспуте "Диалектики".

Вопрос первый.

640 – Спрашивают – во-первых, служат ли посылки причиной вывода и, если да, то каким образом? Перед ответом на вопрос предлагаются несколько предварительных замечаний.

Предварительное замечание первое. Физической причиной называется та, которая истинно (vere) и в действительности (realiter), благодаря физическому влиянию (influxus), дает бытие (dat esse alicui) чему-либо. Например, когда огонь *A* производит огонь *B*. Моральной причиной называется та, которая дает бытие результату (следствию) в

той степени (in tantum dat esse effectui in quantum causae physicae efficienti), в которой (способствует) физической причине, производящей результат, направляя ее в производство результата (eamque dirigit in causando effectum). К примеру, Петр становится моральной причиной, советуя Павлу приступить к занятиям философией, а свеча будет моральной причиной ночной прогулки. Что касается условия (conditia), то хотя оно и требуется для бытия вещей, однако не дает вещи это бытие (neque dat effectui esse) и не направляет физическую причину к результату. // p. 156. Так, условием будет приближение огня относительно ожога. Можно воспользоваться и объяснениями теологов, когда они говорят о св. Таинствах. Они определяют моральную причину следующим образом: моральная причина есть требуемое для осуществления результата, так что она вызывает результат своим полным достоинством (condignitas) и некоторым соответствием (aliqua proportio). Чистым считается такое условие, при отсутствии которого результат не будет иметь места, хотя само условие не обладает никаким соответствием результату (non habet ullam proportionem) и содостоинством.

Предварительное замечание второе. Посылки, точно так же, как и заключение, делятся на два вида, формальные и объективные. Объективные посылки являются объектом для формальных посылок. Что касается формальных посылок, то это суть сами действия разума, выступающие как большая и меньшая посылка, затрагивающая определенный объект. После предварительных замечаний отвечаю на вопрос.

641 – Объективные посылки никоим образом не могут служить причиной объективного вывода, но, выступая в качестве движущей причины, они дают формальный вывод. Первый довод. Дело в том, что объективные посылки суть одно и то же, что и объективный вывод в соответствии с аксиомой: Одно и то же будет объектом посылок и заключения, так как ничто не может являться причиной самого себя. След. и т.д. Довод второй. Движущейся причиной формального заключения считается та, которая движет разум к заключению или же та, что определяет затронутую жизненную способность (attactam determinat potentiam) к действию заключения. Сказанное становится ясным путем индукции. Подобным образом, белизна служит формальной движущей причиной для зрения, а благость объекта становится причиной действия любви к этому объекту как движущая причина. Дело в том, что она приводит в движение волю, вызывая любовь к объекту. Аналогично следует рассуждать и о прочих действиях воли. Но объективные посылки движут разум к соглашению с выводом. След. и т.д. Доказательство меньшей посылки. Разум соглашается с выводом благодаря соединению крайних терминов со средним, а объективные посылки представляют собой соединение крайних терминов со средним. След. и т.д.

642 – Положение 2-е. Формальные посылки, в собственном смысле этого слова, содействуют выводу только как условие, приближая к

разуму формальный объект (applicans intellectui objectum formale) или же движущую причину вывода.

Первое доказательство положения. Условием результата будет то, что не служит формальным основанием действия (ratio formalis agendi) или действующей силой (virtus efficiendi), хотя без условия причина не сможет оказывать свое действие. Однако формальные посылки не являются той силой, которая движет разум к соглашению с выводом, хотя без них объективные посылки и не могут вести разум к соглашению. След и т.д. Большая посылка представляет собой определение. Доказательство меньшей посылки. Разум движется к согласию с выводом не с помощью самих своих действий, но благодаря объекту этих действий. Аналогично воля движется не из-за отражающих объект действий, но из-за самих этих объектов. Достоверно то, что формальные посылки относятся к согласию с заключением точно так же, как познание благости объекта относится к любви к этому объекту. Но познание благости и любовь к объекту относятся друг к другу так, как условие, направляющее движущую причину к любви (applicans causam ad amorem). След. и посылки. // p. 156v. Отсюда заключи (inferes) следующее. Во-первых, посылки не являются физической причиной вывода, ибо для подобного утверждения нет никакого основания. Это станет ясным из ответа на возражения. Однако представляется вероятным, что формальные посылки служат моральной причиной формального вывода. Так считают Гуртадо, Арриага, Овиедо, наряду со многими современными философами, выступая против Васкеса. Довод: формальные посылки содействуют выводу, направляя разум к осуществлению вывода (in ponenda conclusione). Дело в том, что посылки представляют разуму (proponunt intellectui) соединение или разъединение среднего термина с крайними, благодаря чему посылки направляют разум, чтобы он в заключении или, соглашаясь, соединил крайние термины, или, соглашаясь, разъединил их. Отсюда приходят к следующим выводам. Существование обоих посылок в момент вывода требуется потому, что посылки не смогут осветить (illuminare) делающий вывод разум, если они не будут существовать в момент этого действия, подобно тому, как уже отсветивший свет формально светить не может, а уже улетучившееся тепло формально не в состоянии согреть. Дело в том, что предшествующие посылки никак не способствуют познанию и именно в этот отрезок времени. Обрати внимание на то, что вопрос не имеет никакого отношения к другому вопросу – следует ли при рассуждении различать одну мысль от другой, ибо если отрицать такое различение, то вопрос вообще не имеет места. [...]

658 – [...] Второе предварительное замечание. Движущая причина есть то, что непосредственно затрагивается действием, определяя его собой. Движущая причина наделяет действие особым предикатом. Такое определение дает Эспарса. Объективное условие лишено какого-нибудь из приведенных признаков движущей причины.

Результаты доказательства, или знание.

695 – Из определения доказательства как силлогизма, приводящего к знанию, следует, что знание является результатом доказательства. Здесь речь пойдет собственно о знании (науке). Однако в силу того, что о знании мы уже многое сказали в разных частях курса, а именно сущность и деление знания рассматривалось в § 104 "Логики", существование нового знания – в § 110 и во "Введении" к философскому курсу, начиная с § 5, видовые характеристики – в § 14 "Логики", единство – в § 185, подчиненность – в § 183, объект знания – в трактате об универсалиях и во "Введении", поэтому здесь собственно осталось сказать немногое.

696 – Я оставляю в стороне науки древних. Во-первых, еврейскую Каббалу. Это слово обозначает знание каких-то темных тайн, которое передается изустно, а не в письменной традиции. Каббала может быть цифровой, если считать греческие и еврейские буквы за определенное число, так что из равенства или неравенства чисел якобы должны следовать некие таинства. Другая Каббала буквенная, когда думают постичь таинства благодаря использованию анаграмм, или начальных букв слова.

Во-вторых, гиерографику, или символику, египтян, обозначавших вещи схожими с вещами иероглифами.

В-третьих, магию персов. Первым начал ею заниматься мидянин Зороастр за 600 лет до Моисея. Персидская магия заключена в стихах, количеством более 100 000. Другие ученые, правда, думают, что первым начал заниматься подобной наукой Хам, который выбил относящиеся к этой науке тексты на семи семигранных медных колоннах. Третьи авторы считают, что подобный вид знания берет свое начало от бесов.

697 – Вопрос заключается в том, с чем адекватно отождествляется действительное знание – с одним заключением или еще и с посылками? Ответ. Знание отождествляется единственно с заключением, понимаемым формально. Довод: доказательство приводилось под § 167, ибо действительное достоверное и очевидное познание получается из достоверных и очевидных посылок. Но таким познанием является единственно заключение. След. и т.д. Сами же посылки, поскольку они суть посылки, т.е. когда они употребляются как посылки, из других посылок не выводимы. Следовательно, знанием является единственно заключение. Истинно также, что в определении знания необходимо предполагаются посылки, однако это не следует понимать так, будто они предварительно требуются как составляющие знание элементы (tamquam constitutiva eiusdem). Сходным образом, для зрения или любого другого жизненного действия (actus vitalis) предварительно требуется жизненная способность (potentia vitalis), которая не будет составляющим (constitutiva) подобного действия.

[...] Вопрос второй. О совместимости науки, Божественной веры и мнения.

698 – Здесь следует разобрать три подвопроса. Во-первых, может ли в одном и том же разуме одновременно существовать действитель-

ная [наука] – знание и Божественная вера относительно одного и того же объекта? Здесь не идет речь о навыке (habitus) знания и веры, так как очевидно, что навыки могут и не противоречить друг другу, если только они не возникают из противоположных действий, как противоположные навыки порока и добродетели. Во-вторых, может ли в разуме одновременно существовать знание и мнение (opinio) относительно одного и того же объекта? В-третьих, может ли одно и то же действие разума (интеллектуальный опыт) одновременно и в действительности оказаться знанием, верой и мнением? То есть может ли из нескольких движущих причин возникнуть одно и то же разумное действие, так что из-за движущей научной причины оно называлось бы знанием, из-за причины, относящейся к вере, – верой, из-за вероятной – мнением. Относительно этого вопроса философы спорят друг с другом, одни соглашаются, другие отрицают, третьи считают, что отвлеченное знание совместимо с верой, а интуитивное не совместимо.

699 – Вера есть согласие (assensus) с чем-либо в силу свидетельства другого лица, которое является формальной движущей причиной (ratio=causa) веры. С другой стороны, вся сила свидетельства обусловливается мудростью и способностью вызывать доверие (veracitas) свидетельствующего. Чем более мудрости и подобной способности (veracitas) мы находим в ком-либо, тем больше и наша вера к нему.

Предварительное замечание второе. Мнение есть вероятное принятие [предложенного суждения] с опасением (formido) [истинности противоположного суждения]. Кроме того, само это опасение может быть двояко – действительное (actualis) и потенциальное (radicalis). Действительное опасение бывает тогда, когда разум соглашается с объектом таким образом, что одновременно существует различимое действие разума, которое рефлективно словно бы боится, подозревая [истину] в противоположном объекту, так что принимаемый объект (objectum cui assentitur) может находиться и в ином состоянии. Такое опасение обычно называют опасением в теории (in actu signato). Потенциальное опасение бывает тогда, когда разум, соглашаясь с объектом, в действительности не боится противоположного. Тем не менее движущая причина, побуждающая соглашаться с объектом, такова, что разум способен прийти к действительной боязни истинности противоположного, если только оно будет предложено. Действительное опасение не относится к сущности мнения, представляя собой различимое и отделимое от мнения действие, относящееся к противоположному. Что касается потенциального опасения, то оно входит в сущность мнения, ибо в сущность мнения входит направленность на объект (modus tendendi in objectum), обусловленная вероятной движущей причиной (propter motivum probabile), так что сомнение возможно. После предварительных замечаний следует:

Раздел первый.

700 – Положение первое. Действие, относящееся к знанию (actus scientiae), как к отвлеченному (abstracta), так и к интуитивному (intuitiva), может одновременно находиться вместе с Божественной верой

в одном и том же разуме. Так считают Делюго, Овиедо, Арриага, большинство философов. Направлено против томистов и Кайетана. Доказательство первое. Здесь нет никакого противоречия, так как действие Божественной веры не противоречит знанию и не противоположно ему, ибо если бы такое противоречие существовало, то оно могло бы быть на основании или объекта, или их самих. По объекту они не находятся в противоречии, так как один и тот же объект, а именно Божественная Троица, познается очевидно блаженными на небесах, нами же – смутно благодаря вере и с вероятностью благодаря естественному свету разума. Но знание и вера не противоречат друг другу и на основании их самих, т.е. формально. // p. 170. Дело в том, что противоположение по противоречию может существовать только между вещью и отрицанием бытия вещи, или между навыком и лишенностью этого навыка. Однако действие веры и знание не противополагаются друг другу как вещь и отрицание вещи, так как оба они будут положительными качествами. След. и т.д. Не будут они противоречащими друг другу опосредованно или arguitivae благодаря объекту, когда после подобных действий в объекте может возникнуть некоторое противоречие. В самом деле, для возникновения подобного противоречия требуется, чтобы одно действие отрицало объект, а другое соглашалось бы с ним; причем как утвердительное, так и отрицательное действия должны представлять из себя нечто положительное. Понятно, один и тот же объект не может одновременно существовать и не существовать, поэтому в самих действиях возникает опосредованное противоречие. Но действия веры и знания не противополагаются друг другу, и, если объект будет у них один, то оба действия окажутся или утвердительными, или отрицательными.

Доказательство второе. В действительности христианский философ, хотя и знает, исходя из опыта, что Бог существует, однако одновременно и верит в Него, ведь к этой вере его обязывают слова Апостола (Евр. 11,6): "...ибо надобно, чтобы приходящий к Богу веровал, что Он есть...". В противном случае такой философ будет лгать каждый раз при произнесении Символа Веры. Наконец, язычник не может склонить философа к своей вере. Кайетан говорит: "Благодаря действиям естественного знания философ познает, что Бог существует как Творец природных вещей, а, благодаря действию веры, философ познает существование Бога, как Творца сверхприродных вещей". Кроме того, Кайетан считает, что христианский философ должен отвергать от себя познание тех положений, что действие Божественной веры несовместимо со знанием.

Против Кайетана говорим, во-первых. Существование Бога как Творца природного мира и существование Бога в качестве Творца сверхприродного мира реально является одним и тем же существованием. Следовательно, благодаря действию веры и знания в действительности затрагивается один и тот же объект. Во-вторых, верить следует не только в то, что Бог является Творцом вещей, существующих в природе, но и в то, что Он Творец всего сверхприродного,

что Он един, всемогущ и сотворил все. Но все это может быть доказано философом. След. и т.д. В-третьих. [...]

Подтверждение положения. В одном и том же разуме может соединяться ясное и смутное познание. Например, приводящее к общему понятию познание, представляющее существование Петра наряду с другими людьми со стороны предиката, одновременно ясно представляющее того же Петра со стороны объекта. Во-вторых, относительно одного и того же объекта может существовать как утвердительное, так и отрицательное суждение, наряду с пониманием, которое ничего не утверждает и не отрицает. В-третьих, относительно одного и того же объекта в одном и том же субъекте могут существовать два познания: одно опосредствованное, другое неопосредствованное. Так Иисус Христос познавал Бога и интуитивно и опосредствованно в Его созданиях. [...] Ни тот, ни другой виды познания не противоречат друг другу. В-четвертых, отвлеченное познание не противоречит познанию интуитивному, о чем свидетельствует пример Иисуса Христа, который видел Бога в силу блаженного знания и познавал Его в тварях отвлеченно. Поэтому не следует заключать отрицательно, что Дева Мария и ап. Иоанн имели сверхприродное знание (elicuisse actus supernaturales et actus meritorios) о смерти Иисуса, хотя они имели и интуитивное знание. Следовательно, вера и интуиция не противоречат друг другу. [...]

Диспут второй. О менее предпочтительных видах силлогизма мы уже сказали в "Диалектике", начиная с § 185. Здесь мы объясним наиболее предпочтительный вид силлогизма – доказательство.

679 – Вопрос первый. Согласно Аристотелю, силлогизм представляет собой научное доказательство, т.е. силлогизм делает (faciens scire) человека знающим. Но доказательство может привести человека к знанию трояко. Во-первых, формально постольку, поскольку вывод (conclusio) доказательства, представляющий собой действительное знание, сам по себе делает разум знающим, подобно тому, как видение делает человека видящим, справедливость – справедливым и т.д. Во-вторых, как действующая причина, поскольку доказательство служит причиной навыка знания в разуме. В-третьих, как причина, поскольку посылки суть причина заключения. Доказательство более ясно можно определить как силлогизм, состоящий из достоверных и очевидных посылок.

680 – Относительно второго пункта. Очень часто доказательство разделяют на доказательство "благодаря чему", или априорное, и на доказательство "так как", или апостериорное. Априорное доказательство бывает тогда, когда результат доказывается из причины. Что касается апостериорного доказательства, то при нем от более очевидного результата восходят к причине. Здесь обрати внимание на следующее. Во-первых, апостериорным доказательством является не только тот вид доказательства, когда причина доказывается исходя из результата, но и всякое другое доказательство, которое исходит не из причины. Поэтому отрицательное доказательство также может быть

названо апостериорным. Заметь, во-вторых, под причиной следует понимать не только физическую причину, но также и метафизическую, логическую, корень (radix proprietatum) свойств. Заметь, в-третьих, к априорным доказательствам можно свести доказательства из определения к определяемому, потому что определение является как бы формальной причиной вещи. Заметь, в-четвертых, кое-что можно доказать с помощью и априорного, и апостериорного доказательства, другое же только с помощью апостериорного доказательства. Так, существование Бога нельзя доказать априорно, ибо для него не существует физической причины, поэтому его существование доказывают апостериорно, исходя из результатов Божественной деятельности. Оба вида доказательства подразделяются на совершенное и совершеннейшее. Совершеннейшее доказательство бывает тогда, когда или следствие доказывается благодаря непосредственной причине, или причина исходя из непосредственного следствия. В совершенном доказательстве причина доказывается благодаря опосредованному следствию, а следствие – благодаря опосредованной причине.

Ты задашь вопрос: "Отличается ли доказательство априорное от апостериорного по виду?" Отвечаю утвердительно, потому что средства и формальные основания в этих доказательствах чрезвычайно различны по виду, в силу чего соглашаются с заключением. Это было ясно из сказанного. Следовательно, они различны по виду, так как различаются по виду действия, // p. 166 движущие причины которых различны. [...]

682 – Относительно третьего спрашивают, во-первых, должны ли посылки быть более достоверными, очевидными и истинными, нежели вывод. Ясно, что посылки должны быть истинными, достоверными и очевидными, метафизически, физически или, по крайней мере, этически (морально), так как заключение силлогизма должно отличаться от заблуждения и быть истинным. Во-вторых, оно должно отличаться от мнения, и поэтому быть достоверным, а не вероятным, как мнение. В-третьих, оно должно отличаться от веры и поэтому очевидным, ибо вера есть смутная. Следовательно, посылки должны быть истинными, достоверными и т.д. Если же хотя бы одна из них таковой не будет, то и заключение также не будет таким. Вопрос стоит о том, должны ли они быть более достоверными и очевидными, чем заключение.

683 – Первое предварительное заключение. Мы уже говорили, что истина, достоверность и очевидность действия не тождественны друг другу. Истина представляет собой согласованность (conformitas) действия и объекта, достоверность же – необходимость истины, крепкое сцепление действия и объекта, как было сказано в § 108, куда тебе необходимо посмотреть. Достоверность и очевидность отличаются от истины, во-первых, в силу того, что они рассматриваются относительно нас, людей, истина же сама по себе. Поэтому само по себе суждение может быть истинным, будучи одновременно сомнительным по отношению к нам. Во-вторых, достоверность и очевидность

отличаются от истины в том, что достоверность и очевидность могут быть присущими даже реально ложному суждению, которое, однако, представляется достоверным и очевидным, не будучи таковым в действительности. В-третьих, может существовать истинное действие как // p. 166v. очевидное, так и смутное, так как достоверность и очевидность могут и не сопутствовать истине. Любое достоверное познание истинно, но не всякое истинное познание достоверно. Далее, любое очевидное познание есть достоверное и истинное, но не наоборот. В самом деле, действия Божественной веры, будучи в высшей степени истинными и достоверными, не являются очевидными. В-четвертых, истина не принимает больше или меньше, как уже было сказано в предшествующем диспуте, а очевидность и достоверность способны их принять. Действительно, необходимость объекта может быть большей или меньшей, поэтому и сила сцепления (adhaesio) с разумом может быть большей или меньшей. Далее, величина достоверности бывает двоякой. Одна интенсивная, обладающая большими степенями достоверности (более сильные движущие причины). Другая предположительная (appropriativa), которая, хотя и обладает меньшими степенями, однако, по общему мнению, действие силы сильнее сцепляется с объектом. Так, когда я верю, что Бог Един в трех Лицах, то это предположительно достовернее, чем когда я говорю: "Человек есть разумное животное". Потому что, если придется оставить одно из приведенных суждений, я предпочту отказаться от второго суждения.

684 – Второе предварительное замечание. Достоверность заключается в необходимости истины и в силе сцепления действия с объектом. То есть для того чтобы некоторое действие оказалось формально и в полной мере достоверным, как само по себе, так и по отношению к нам, требуется следующее. Первое, необходимая истина, т.е. действие должно быть истинным так, чтобы оно не могло бы быть не истинным. Второе, разум должен соединиться с объектом с такой силой, чтобы при этом соединении оказалось исключенным любое опасение (истинности противоположного суждения). Если в соединении разума и объекта будет отсутствовать крепкость и необходимость, то тогда формально действие уже не является достоверным, как относительно себя, так и относительно нас самих. След. и т.д.

Доказательство антецедента. Допустим, кто-нибудь с огромной силой примкнул к ложному объекту, а это часто совершают еретики, следовательно, такой акт не может быть достоверным в своей сущности, ибо сам по себе объект ложный, а всякая достоверность включает в себя истинность объекта. Далее, даже если кто-нибудь и примкнет к необходимо [истинному] объекту, однако при этом у него сохранится опасение в истинности противоположного [суждения], то тогда подобное действие окажется истинным относительно себя самого, но не относительно нас. Как если бы невежественный человек посчитал себя достойным восхищения, опираясь единственно на авторитет какого-нибудь ученого. Далее, сила подобного сцепления (adhaesionis) возникает из того, что существуют такие движущие

причины, и они столь ясно предстают перед разумом, что, поступая рассудительно, он не может иметь относительно объекта никаких сомнений.

Добавление к Логике Ты спрашиваешь, к какой операции разума следует отнести метод? Перед ответом предварительно заметь следующее: метод есть логическое упорядочение, устанавливающее надлежащий порядок (ordinatio logica dirigens scientiam justae magnitudinis in debitum ordinem) для соответствующего по объему знания. Метод подразделяется на находящий (inventiva) и располагающий (dispositiva). Находящий метод служит собственно для приобретения знаний, происходит же это с помощью пяти способов. Первое – по сходству или аналогии, так как для сходных вещей (similium est similis ratio) существует и сходное основание. Во-вторых, благодаря различию, ибо основание различных или противоположных вещей также будет различным. В-третьих, благодаря анализу. В-четвертых, благодаря синтезу. В-пятых, на основании свидетельства.

Располагающий метод тот, который правильно располагает части уже приобретенного знания. Он делится на располагающий метод рассудительности и искусства. Располагающим методом рассудительности пользуется тот, кто применяет остроту собственного ума (ex propria ingenii acie) для достижения преследуемой цели. Метод искусства применяется в соответствии с общепринятыми правилами. Любой метод искусства идет от более общего к более частному, так как этот метод представляет собой приспособление к пониманию и памяти (accomodatio memoriae et intelligentiae). Он делится на аналитический и синтетический.

720 – Некоторые из современных философов считают метод четвертой операцией разума. Они говорят, что из многих актов понимания, расположенных соответствующим образом, возникает суждение, а из многих суждений – рассуждение. А уже из многих упорядоченных рассуждений возникает метод словно четвертая операция разума. Отвечаю: из подобных умствований следует движение в бесконечность в определении видов операций, ведь ничто не мешает сказать нам, якобы из множества четвертых операций следует операция пятая, из множества пятых – шестая и так далее. Формально, опуская неверное предположение, отрицаю вывод.

Получается несоответствие. Действительно, в суждении существует некоторая формальная связь, выражаемая глаголом есть, а в рассуждении – частицей следовательно. Однако для метода нельзя указать такого специального соединения, отличного от выводного и соединительного.

721 – Ответ. Метод может относиться к любой операции человеческого разума. В самом деле, с помощью метода можно понять, каким образом следует упорядочить ту или иную науку, или прибегая, или не прибегая к суждению. Если же прибегать к суждению, то оно может быть как утвердительным, так и отрицательным. В первом

случае мы сталкиваемся с первой операцией – пониманием, во втором – с суждением, в третьем – с умозаключением. К суждению метод свести очень легко, так как метод есть тот вид деятельности ума, когда мы судим о том, что некая наука должна быть упорядочена определенным способом.

722 – Запомни следующее. Существуют только три операции разума, потому что существуют именно столько способов отношения разума к вещам умопостигаемым. Или разум обращается к ним, не прибегая к суждению, или прибегая к нему. В первом случае – это понимание, во втором – суждение может быть без подтверждения, т.е. собственно суждение, с подтверждением – рассуждение. След. и т.д.

Ты скажешь, что метод представляет собой четвертую операцию, или же четвертый инструмент познания. Доказательство антецедента. Ранее было доказано существование четырех способов обнаружения истины. В самом деле, определение выявляет сущность объекта, деление – части объекта, доказательство – свойство. Что касается метода, то он, как свет, // p. 175 приводит в порядок целокупное знание. След. и т.д. Далее, именно столько видов познания необходимы для совершенного знания, т.е. познания сущности объекта, его частей, свойств и порядка, который следует соблюдать в данной науке. Только после осуществления всего этого мы можем добиться совершенного знания. Ответ. Оставляя в стороне большую посылку, отвергаю вывод. Я не вижу никакого различия между методом, с одной стороны, и определением, делением, доказательством – с другой. Дело в том, что метод не является четвертым способом познания (intellegendi), но лишь обнаружения (manifestandi) истины, привносящий в знание определенный порядок.

РУССКИЕ МЫСЛИТЕЛИ – САМОРОДКИ XIX ВЕКА

С.А. Коган

Письменный (рукописный) аспект народно-философской мысли – одна из наименее изученных и наиболее драматичных страниц духовного развития общества. Как относились мыслящие люди из народа к окружающему их миру? По каким каналам и в каких формах проникали в их умы философские идеи? Каким образом они преломлялись в их сознании? Эти и другие, связанные с ними, вопросы остаются обычно без ответа в трудах по истории общественной мысли.

Это во многом связано со спецификой вольнодумной "философии снизу", ее особым местом в истории. Мыслитель – вообще редкое явление. Хотя философ (в истинном значении слова) и должен быть по своему призванию мыслителем, далеко не каждый философ ex professio (по специальности) является мыслителем, как, впрочем, и не всякий мыслитель – философом. Тем более редким, незаурядным, в